

ЯМА

1909, выдержки Дятловых от 27.05.2022, 1-17/400=96%

1. Но, подобно тому как старинные бретеры не чувствовали никаких угрызений совести при воспоминании о своих жертвах, так и эти люди глядят на темное и кровавое в своем прошлом, как на неизбежные маленькие неприятности профессий.
2. Повсеместно разврат, нравственность падает, нет уважения к родителям, Расстреливать их надо.
3. — Фараон! Хочет и здесь и там взять деньги...
4. — Пфуй! Что это за безобразие? — кричит она начальственно. — Сколько раз вам повторять, что нельзя выскакать на улицу днем и еще — пфуй! ч— в одном белье. Не понимаю, как это у вас нет никакой совести. Порядочные девушки, которые сами себя уважают, не должны вести себя так публично. Кажется, слава богу, вы не в солдатском заведении, а в порядочном доме. Не на Малой Ямской.
5. — Надо что-нибудь делать. Скучно так. В карты я не играю и не люблю.
6. Тогда запирались наглухо двери и окна дома, и двое суток кряду шла кошмарная, скучная, дикая, с выкриками и слезами, с надругательством над женским телом, русская оргия, устраивались райские ночи, во время которых уродливо кривлялись под музыку нагишом пьяные, кривоногие, волосатые, брюхатые мужчины и женщины с дряблыми, желтыми, обвисшими, жидкими телами, пили и жрали, как свиньи, в кроватях и на полу, среди душной, проспиртованной атмосферы, загаженной человеческим дыханием и испарениями нечистой кожи.
7. Всего ужаса этой мысли толстая Катька не могла объять своим мозгом откормленной индюшки и потому плакала, — как и ей самой казалось, — беспричинно и бестолково.
8. Два или три раза случалось, что женщина из публичной» дома вдруг оказывалась беременной, и это всегда бывало, по внешности, смешно и позорно, но в глубине события — трогательно.
9. И как бы то ни было, каждый вечер приносил с собою такое раздражающее, напряженное, пряное ожидание приключений, что всякая другая жизнь, после дома терпимости, казалась этим ленивым, безвольным женщинам пресной и скучной.
10. И в этом неясном дальнем свете, в ласковом воздухе, в запахах наступающей ночи была какая-то тайная, сладкая, сознательная печаль, которая бывает так нежна в вечера между весной и летом.
11. И не то, чтобы за что-нибудь, а просто так, пойдет утром со мной в комнату, запрется и давай меня терзать. Руки выкручивает, за груди щиплет, душить начнет за горло. А то целует-целует, да как куснет за губы, так кровь аж и брызнет... я заплачу, а ему только этого и нужно. Так зверем на меня и кинется, аж задрожит.
12. Ее партнерша Паша — очень странная и несчастная девушка. Ей давно бы нужно быть не в доме терпимости, а в психиатрической лечебнице из-за мучительного нервного недуга, заставляющего ее иступленно, с болезненной жадностью отдаваться каждому мужчине, даже самому противному, который бы ее ни выбрал. Подруги издеваются над нею и несколько презирают ее за этот порок, точно как за какую-то измену корпоративной вражде к мужчинам. Нюра очень похоже передразнивает ее вздохи, стоны, выкрики и страстные слова, от которых она никогда не может удержаться в минуты экстаза и которые бывают слышны через две или три перегородки в соседних комнатах. Про Пашу ходит слух, что она вовсе не по нужде и не соблазном или обманом попала в публичный дом, а поступила в него сама, добровольно, следуя своему ужасному ненасытному инстинкту.
13. Сука ты! Будь я на твоём месте такая разнесчастная, я бы лучше руки на себя наложила, удавилась бы на шнурке от корсета. Гадина ты!
14. Все девицы, кроме гордой Жени, высовываются из окон.

15. Сонька Руль, еврейка, с некрасивым темным лицом и чрезвычайно большим носом, за который она и получила свою кличку, но с такими прекрасными большими глазами, одновременно кроткими и печальными, горящими и влажными, какие среди женщин всего земного шара бывают только у евреек.
16. Впрочем, того же самого добивались все мужчины даже самые лядашие, уродливые, скрюченные и бессильные из них, — и древний опыт давно уже научил женщин имитировать голосом и движениями самую пылкую страсть, сохраняя в бурные минуты самое полнейшее хладнокровие.
17. — Ты что это, Манька Маленькая, не угодила своему кавалеру? — спросила она со смехом. — Жалуется на тебя: «Это, говорит, не женщина, а бревно какое-то деревянное, кусок льду». Я ему Пашку послала.
18. в бесконечной глубине его души, тайно пробуждается от беспечного соприкосновения с землей, травами, водой и солнцем древний, прекрасный, свободный, но обезображенный и напуганный людьми зверь.
19. Товарищи никогда не могли постигнуть, где он находил время для занятий наукой, но тем не менее все экзамены и очередные работы он сдавал отлично и с первого курса был на виду у профессоров.
20. проституция — одно из величайших бедствий человечества, а также согласны, что в этом зле виноваты не женщины, а мы, мужчины, потому что спрос рождает предложение. И, стало быть, если, выпив лишнюю рюмку вина, я все-таки, несмотря на свои убеждения, еду к проституткам, то я совершаю тройную подлость: перед несчастной глупой женщиной, которую я подвергаю за свой поганый рубль самой унижительной форме рабства, перед человечеством, потому что, нанимая на час или на два публичную женщину для своей скверной похоти, я этим оправдываю и поддерживаю проституцию, и, наконец, это подлость перед своей собственной совестью и мыслью. И перед логикой.
21. И точно так же через десять лет мы, оставшись благополучными русскими либералами, будем вздыхать о свободе личности и кланяться в пояс мерзавцам, которых презираем, и околачиваться у них в передних. «Потому что, знаете ли, — скажем мы, хихикая, — с волками жить, по-волчьи выть». Ей-богу, недаром какой-то министр назвал русских студентов будущими столоначальниками!
22. — Да, но должны же существовать какие-нибудь клапаны для общественных страстей? Неужели порядчнее пользоваться ласками своей горничной или вести за углом интригу с чужой женой? Что я могу поделать, если мне необходима женщина!
23. Однако он не избегал участия в товарищеских третейских судах, и его доводы — всегда неотразимо логичные — обладали удивительным свойством оканчивать дела миром, к обоюдному удовольствию судящихся сторон.
24. Нельзя, видите ли, лечить какую-нибудь тяжкую болезнь заочно, не выдавши самого больного. А ведь все мы, которые сейчас здесь стоим на улице и мешаем прохожим, должны будем когда-нибудь в своей деятельности столкнуться с ужасным вопросом о проституции, да еще какой проституции — русской! Лихонин, я, Боря Собашников и Павлов — как юристы, Петровский и Толпыгин — как медики. Правда у Вельтмана особенная специальность — математика. Но ведь будет же он педагогом, руководителем юношества и, черт побери, даже отцом! А уж если пугать букой, то лучше всего самому на нее прежде посмотреть. Наконец и вы сами, Гаврила Петрович, — знаток мертвых языков и будущее светило гробокопательства, — разве для вас не важно и не поучительно сравнение хотя бы современных публичных домов с каким-нибудь помпейскими лупанарами или с институтом священной проституции в Фивах и в Ниневии?..
25. Стыдно и обидно думать, что мы, цвет и краса русской интеллигенции, раскиснем и пустим слюни от вида первой попавшейся юбки.
26. студентов же он вообще презирал за их мало понятный ему язык, за склонность к легкомысленным шуткам, за безбожие и, главное — за то, что они постоянно бунтуют против начальства и порядка.

27. Но в их мелочной, однообразной, привычно-праздной жизни было вообще много полуребяческой, полуистерической игры.
28. А материал здесь действительно огромный, прямо подавляющий, страшный... И страшны вовсе не громкие фразы о торговле женским мясом, о белых рабынях, о проституции, как о разъедающей язве больших городов, и так далее и так далее... старая, всем надоевшая шарманка! Нет, ужасны будничные, привычные мелочи, эти деловые, дневные, коммерческие расчеты, эта тысячелетняя наука любовного обхождения, этот прозаический обиход, устоявшийся веками. В этих незаметных пустяках совершенно растворяются такие чувства, как обида, унижение, стыд. Остается сухая профессия, контракт, договор, почти что честная торговлишка, ни хуже, ни лучше какой-нибудь бакалейной торговли. Понимаете ли, господа, в этом-то весь и ужас, что нет никакого ужаса! Мещанские будни — и только. Да еще привкус закрытого учебного заведения с его наивностью, грубостью, сентиментальностью и подражательностью.
29. Возьмите хотя бы здешнего швейцара Симеона. Уж, кажется, по-вашему, ниже некуда спуститься: вышибала в публичном доме, зверь, почти наверно — убийца, обирает проституток, делает им „черный глаз“, по здешнему выражению, то есть просто-напросто бьет. А знаете ли, на чем мы с ним сошлись и подружились? На пышных подробностях архиерейского служения, на каноне честного Андрея, пастыря Критского, на творениях отца преблаженного Иоанна Дамаскина. Религиозен необычайно!
30. Нет, вы подумайте: ведь только в одной русской душе могут ужиться такие противоречия!
31. — Да. Такой помолится-помолится, потом зарежет, а потом умоет руки и поставит свечу перед образом, — сказал Рамзес.
32. — Именно. Я ничего не знаю более жуткого, чем это соединение вполне искренней набожности с природным тяготением к преступлению. Признаться ли вам? Я, когда разговариваю один на один с Симеоном, — а говорим мы с ним подолгу и неторопливо так, часами, — я испытываю минутами настоящий страх. Суеверный страх! Точно вот я стою в сумерках на зыбкой дощечке, наклонившись над каким-то темным зловонным колодезцем, и едва-едва различаю, как там, на дне, копошатся гады. А ведь он по-настоящему набожен и, я уверен, пойдет когда-нибудь в монахи и будет великим постником и молитвенником, и, черт его знает, каким уродливым образом переплетется в его душе настоящий религиозный экстаз с богохульством, с кощунством, с какой-нибудь отвратительной страстью, с садизмом или еще с чем-нибудь вроде этого?
33. тупик своей диковинной путаницей и неразберихой. Можно насказать тысячу громких слов о сутенерах, а вот именно такого Симеона ни за что не придумаешь. Так разнообразна и пестра жизнь! Или еще возьмите здешнюю хозяйку Анну Марковну. Эта кровопийца, гиена, мегера и так далее... — самая нежная мать, какую только можно себе представить. У нее одна дочь... — Берта, она теперь в пятом классе гимназии. Если бы вы видели, сколько осторожного внимания, сколько нежной заботы затрачивает Анна Марковна, чтобы дочь не узнала как-нибудь случайно о ее профессии. И всё — для Берточки, всё — ради Берточки. И сама при ней не смеет даже разговаривать, боится за свой лексикон бандерши и бывшей проститутки, глядит ей в глаза, держит себя рабски, как старая прислуга, как глупая, преданная нянька, как старый, верный, опаршивевший пудель. Ей уж давно пора уйти на покой, потому что и деньги есть, и занятие ее здесь тяжелое и хлопотное, и годы ее уже почтенные.
34. Что? Вы скажете — чудовище? А я скажу, что ею движет та же великая, неразумная, слепая, эгоистическая любовь, за которую мы все называем наших матерей, святыми женщинами.
35. Конечно, возмутительно, и больно, и противно, но все это — умом, а не сердцем. Но вот я иду утром по Лебяжьей улице, вижу — собралась толпа, в середине девочка пяти лет, — оказывается, отстала от матери и заблудилась, или, быть может, мать ее бросила. А перед девочкой на корточках городовой. Расспрашивает, как ее зовут, да откуда, да как зовут папу, да как зовут маму. Вспотел, бедный, от усилия, шапка на затылке, огромное усатое лицо такое доброе, и жалкое, и беспомощное, а голос ласковый-преласковый. Наконец, что вы думаете? Так как девчонка вся переволновалась, и уже осипла от слез, и всех дичится — он,

этот самый «имеющийся постовой городской», вытягивает вперед два своих черных, заскорузлых пальца, указательный и мизинец, и начинает делать девочке козу! «Ро-о-гами забоду, ногами затопу!..» И вот, когда я глядел на эту милую сцену и подумал, что через полчаса этот самый постовой будет в участке бить ногами в лицо и в грудь человека, которого он до сих пор ни разу в жизни не видал и преступление которого для него совсем неизвестно, то — вы понимаете! мне стало невыразимо жутко и тоскливо. Не умом, а сердцем. Такая чертовская путаница эта жизнь. Выпьем, Лихонин, коньяку?

36. «Стоит ли?» Понимаете: эти две коротеньких реплики меня как камнем по черепу! Сразу раскрылся передо мною весь ужас и вся глупость насильственной смерти...
37. Или вот еще о смерти. Умер один мой приятель, пехотный капитан, — пьяница, бродяга и душевнейший человек в мире. Мы его звали почему-то электрическим капитаном. Я был поблизости, и мне пришлось одевать его для последнего парада. Я взял его мундир и стал надевать к нему эполеты. Там, знаете, в ушко эполетных пуговиц продевается шнурок, а потом два конца этого шнурка просовываются сквозь две дырочки под воротником и изнутри, с подкладки, завязываются. И вот проделал я всю эту процедуру, завязываю шнурок петелькой, и, знаете, все у меня никак не выходит петля: то чересчур некрепко связана, то один конец слишком короток. Копошусь я над этой ерундой, и вдруг мне в голову приходит самая удивительная простая мысль, что гораздо проще и скорее завязать узлом — ведь все равно никто развязывать не будет. И сразу я всем своим существом почувствовал смерть. До тех пор я видел остекленевшие глаза капитана, щупал его холодный лоб и все как-то не осязал смерти, а подумал об узле — и всего меня пронизало и точно пригнуло к земле простое и печальное сознание о невозвратимой, неизбежной гибели всех наших слов, дел и ощущений, о гибели всего видимого мира...
38. Но наши русские художники слова — самые совестливые и самые искренние во всем мире художники — почему-то до сих пор обходили проституцию и публичный дом. Почему? Право, мне трудно ответить на это. Может быть, по брезгливости, по малодушию, из-за боязни прослыть порнографическим писателем, наконец просто из страха, что наша кумовская критика отождествит художественную работу писателя с его личной жизнью и пойдет копать в его грязном белье. Или, может быть, у них не хватает ни времени, ни самоотверженности, ни самообладания вникнуть с головой в эту жизнь и подсмотреть ее близко-близко, без предубеждения, без громких фраз, без овечьей жалости, во всей ее чудовищной простоте и будничной деловитости. Ах, какая бы это получилась громадная, потрясающая и правдивая книга.
39. Замечательно, что этот же писатель, обаятельный своей честностью и правдивостью, приглядывался не однажды и к мужику. Но он почувствовал, что и язык, и склад мысли, и душа народа для него темны и непонятны... И он с удивительным тактом, скромно обошел душу народа стороной, а весь запас своих прекрасных наблюдений преломил сквозь глаза городских людей.
40. Но ведь все эти люди — сор, и жизнь их не жизнь, а какой-то надуманный, призрачный, ненужный бред мировой культуры. Но вот есть две странных действительности — древних, как само человечество: проститутка и мужик. И мы о них ничего не знаем, кроме каких-то сусальных, пряничных, ёрнических изображений в литературе. Я вас спрашиваю: что русская литература выжала из всего кошмара проституции? Одну Сонечку Мармеладову. Что она дала о мужике, кроме паскудных, фальшивых народнических пасторалей? Одно, всего лишь одно, но зато, правда, величайшее в мире произведение, — потрясающую трагедию, от правдивости которой захватывает дух и волосы становятся дыбом. Вы знаете, о чем я говорю...
41. — Ну, что касается Сонечки, то ведь это абстрактный тип, — заметил уверенно Ярченко. — Так сказать, психологическая схема...
42. Судьба русской проститутки — о, какой это трагический, жалкий, кровавый, смешной и глупый путь! Здесь все совместилось: русский бог, русская широта и беспечность, русское отчаяние в падении, русская некультурность, русская наивность, русское терпение, русское бесстыдство. Ведь все они, которых вы берете в спальни, — поглядите, поглядите на них

хорошенько, — ведь все они — дети, ведь им всем по одиннадцати лет. Судьба толкнула их на проституцию, и с тех пор они живут в какой-то странной, феерической, игрушечной жизни, не развиваясь, не обогащаясь опытом, наивные, доверчивые, капризные, не знающие, что скажут и что сделают через полчаса — совсем как дети. Эту светлую и смешную детскость я видел у самых опустившихся, самых старых девок, заезженных и искалеченных, как извозчицьи клячи. И не умирает в них никогда эта бессильная жалость, это бесполезное сочувствие к человеческому страданию...

43. ничего не выходит. Начну писать и сейчас же заплутаюсь в разных «что», «который», «был». Эпитеты выходят пошлыми. Слова простывают на бумаге. Какая-то жвачка.
44. Надо самому вжиться в эту жизнь, не мудрствуя лукаво, без всяких задних писательских мыслей. Тогда выйдет страшная книга
45. У него была несчастная особенность!: опьянение не действовало ему ни на ноги, ни на язык но приводило его в мрачное, обидчивое настроение и толкало на ссоры.
46. И потом, каким он тоном позволяет себе говорить в нашем обществе! — продолжал кипятиться Собашиков. — Какой-то апломб, снисходительность, профессорский тон... Паршивый трехкопеечный писака! Бутербродник!
47. Сразу видно сову по полету, доброго молодца по соплям!
48. Репортер всегда в подобных случаях чувствовал стыд, неловкость, жалость и терзания совести. И, несмотря на то, что все оставшиеся были на его стороне, он говорил со скукой в голосе:
49. Началась настоящая русская громкая и непонятная бестолочь.
50. Я, как анархист, исповедываю, что чем хуже, тем лучше...
51. А разводить здесь любовь?.. Так для этого я герой не их романа. Я некрасив, с женщинами робок, стеснителен и вежлив. А они здесь жаждут диких страстей, кровавой ревности, слез, отравлений, побоев, жертв, — словом, истеричного романтизма. Да оно и понятно. Женское сердце всегда хочет любви, а о любви им говорят ежедневно разными кислыми, слюнявыми словами. Невольно хочется в любви перцу. Хочется уже не слов страсти, а трагически-страстных поступков. И поэтому их любовниками всегда будут воры, убийцы, сутенеры и другая сволочь. А главное, — прибавил Платонов, — это тотчас же испортило бы мне все дружеские отношения, которые так славно наладились.
52. Легко найти объяснение: ну, собираешь типы, что ли... наблюдаешь жизнь... Вроде того профессора-немца, который три года прожил с обезьянами, чтобы изучить их язык и нравы. Но ведь ты сам сказал, что писательством не балуешься?
53. — Зачем же, черт побери, ты здесь толчешься? Я чудесно же вижу, что многое тебе самому противно, и тяжело, и больно. Например, эта дурацкая ссора с Борисом или этот лакей, бьющий женщину, да и вообще постоянное созерцание всяческой грязи, похоти, зверства, пошлости, пьянства. Ну, да раз ты говоришь, — я тебе верю, что блуду ты не предаешься. Но тогда мне еще непонятнее твой *modus vivendi*[4], выражаясь штилем передовых статей.
54. — Видишь ли, — заговорил он медленно, с расстановками, точно в первый раз вслушиваясь в свои мысли и взвешивая их. — Видишь ли, меня притягивает и интересуется в этой жизни ее... как бы это выразиться?.. ее страшная, обнаженная правда. Понимаешь ли, с нее как будто бы сдернуты все условные покровы. Нет ни лжи, ни лицемерия, ни ханжества, нет никаких сделок ни с общественным мнением, ни с навязчивым авторитетом предков, ни с своей совестью. Никаких иллюзий, никаких прикрас! Вот она — я! Публичная женщина, общественный сосуд, клоака для стока избытка городской похоти. Иди ко мне любой, кто хочет, — ты не встретишь отказа, в этом моя служба. Но за секунду этого сладострастия впопыхах — ты заплатишь деньгами, отвращением, болезнью и позором. И все. Нет ни одной стороны человеческой жизни, где бы основная, главная правда сияла с такой чудовишной, безобразной голой яркостью, без всякой тени человеческого лганья и самообеления.
55. — А ты не спрашивай. Какое тебе дело? Но если они и лгут, то лгут совсем как дети. А ведь ты сам знаешь, что дети — это самые первые, самые милые вральщики и в то же время самый искренний на свете народ. И замечательно, что и те и другие, то есть и проститутки и дети, лгут только нам — мужчинам — и взрослым. Между собой они не лгут они лишь

вдохновенно импровизируют. Но нам они лгут потому, что мы сами этого от них требуем, потому что мы лезем в их совсем чуждые нам души со своими глупыми приемами и расспросами, потому, наконец, что они нас втайне считают большими дураками и бестолковыми притворщиками. Да вот хочешь, я тебе сейчас пересчитаю по пальцам все случаи, когда проститутка непременно лжет, и ты сам убедишься, что к лганью ее побуждает мужчина.

56. — Первое: она беспощадно красится, даже иногда и в ущерб себе. Отчего? Оттого, что каждый прыщавый юнкер, которого так тяготит его половая зрелость, что он весною глупеет, точно тетерев на току, и какой-нибудь жалкий чинодрал из управы благочиния, муж беременной жены и отец девяти младенцев, — ведь оба они приходят сюда вовсе не с благоразумной и простой целью оставить здесь избыток страсти. Он, негодяй, пришел насладиться, ему — этакому эстету) — видите ли, нужна красота. А все эти девицы, эти дочери простого, незатейливого, великого русского народа как смотрят на эстетику? «Что сладко-то вкусно, что красно — то красиво». И вот, на, изволь, получай себе красоту из сурьмы, белил и румян.
57. Второе то, что этот же распрекрасный кавалер, мало того, что хочет красоты, — нет, ему подай еще подобие любви, чтобы в женщине от его ласк зажегся бы этот самый «агонь безумной са-та-ра-са-ти!», о которой поется в идиотских романах. А! Ты этого хочешь? На! И женщина лжет ему лицом, голосом, вздохами, стонами, телодвижениями. И он сам ведь в глубине души знает про этот профессиональный обман, но — подите же! — все-таки обольщается: «Ах, какой я красивый мужчина! Ах, как меня женщины любят! Ах, в какое я их привожу исступление!.. «Знаете, бывает, что человеку с самой отчаянной наглостью, самым неправдоподобным образом льстят в глаза, и он сам это отлично видит и знает, но — черт возьми! — какое-то сладостное чувство все-таки обмасливает душу. Так и здесь. Спрашивается: чей же почин во лжи?
58. А вот вам, Лихонин, еще и третий пункт. Вы его сами подсказали. Больше всего они лгут, когда их спрашивают: «Как дошла ты до жизни такой?» Но какое же право ты имеешь ее об этом спрашивать, черт бы тебя побрал?! Ведь она не лезет же в твою интимную жизнь? Она же не интересуется твоей первой «святой» любовью или невинностью твоих сестер и твоей невесты. Ага! Ты платишь деньги? Чудесно! Бандерша, и вышибала, и полиция, и медицина, и городская управа блюдут твои интересы. Прекрасно! Тебе гарантировано вежливое и благопристойное поведение со стороны нанятой тобою для любви проститутки, и личность твоя неприкосновенна... хотя бы даже в самом прямом смысле, в смысле пощечины, которую ты, конечно, заслуживаешь своими бесцельными и, может быть, даже мучительными расспросами. Но ты за свои деньги захотел еще и правды? Ну уж этого тебе никогда не учесть и не проконтролировать. Тебе расскажут именно такую шаблонную историк», какую ты — сам человек шаблона и пошляк легче всего переваришь. Потому что сама по себе жизнь или чересчур обыденна и скучна для тебя, или уж так чересчур неправдоподобна, как только умеет быть неправдоподобной жизнь. И вот тебе вечная средняя история об офицере, о приказчике, о ребенке и о престарелом отце, который там, в провинции, оплакивает заблудшую дочь и умоляет ее вернуться домой. Но заметь, Лихонин, все, что я говорю, к тебе не относится.
59. — Лгут они еще и лгут особенно невинно тем, кто перед ними красуется на политических конях. Тут они со всем, с чем хочешь, соглашаются. Я ей сегодня скажу: «Долой современный буржуазный строй! Уничтожим бомбами и кинжалами капиталистов, помещиков и бюрократию!» Она горячо согласится со мною. Но завтра лабазник Ноздрунов будет орать, что надо перевешать всех социалистов, передрать всех студентов и разгромить всех жидов, причащающихся христианской кровью. И она радостно согласится и с ним. Но если к тому же еще вы воспламените ее воображение, влюбите ее в себя, то она за вами пойдет всюду, куда хотите: на погром, на баррикаду, на воровство, на убийство. Но и дети ведь так же податливы. А они, ей-богу, дети, милый мой Лихонин...
60. В четырнадцать лет ее растлили, а в шестнадцать она стала патентованной проституткой, с желтым билетом и с венерической болезнью. И вот вся ее жизнь обведена и отгорожена от

вселенной какой-то причудливой, слепой и глухой стеною. Обрати внимание на ее обиходный словарь тридцать — сорок слов, не более, — совсем как у ребенка или дикаря: есть, пить, спать, мужчина, кровать, хозяйка, рубль, любовник, доктор, больница, белье, городской — вот и все. Ее умственное развитие, ее опыт, ее интересы так и остаются на детском уровне до самой смерти, совершенно так же, как у седой и наивной классной дамы, с десяти лет не переступавшей институтского порога, как у монашенки, отданной ребенком в монастырь. Словом, представь себе дерево настоящей крупной породы, но выращенное в стеклянном колпаке, в банке из-под варенья. И именно к этой детской стороне их быта я и отношу их вынужденную ложь — такую невинную, бесцельную и привычную... Но зато какая страшная, голая, ничем не убранная, откровенная правда в этом деловом торге о цене ночи, в этих десяти мужчинах в -вечер, в этих печатных правилах, изданных отцами города, об употреблении раствора борной кислоты и о содержании себя в чистоте, в еженедельных докторских осмотрах, в скверных болезнях, на которые смотрят так же легко и шутливо, так же просто и без страдания, как на насморк, в глубоком отвращении этих женщин к мужчинам, таком глубоком, что все они, без исключения, возмещают его лесбийским образом и даже ничуть этого не скрывают.

61. Сколько слепой, беспощадной жестокости — именно не животной, а человеческой, разумной, дальновидной, расчетливой жестокости
62. Алтарь отечества, христианское сострадание к ближнему, прогресс, священный долг, священная собственность, святая любовь. Тьфу! Ни одному красивому слову я теперь не верю, а тошно мне с этими лгунишками, трусами и обжорами до бесконечности! Нищенки!.. Человек рожден для великой радости, для беспрестанного творчества, в котором он — бог, для широкой, свободной, ничем не стесненной любви ко всему; к дереву, к небу, к человеку, к собаке, к милой, кроткой, прекрасной земле, ах, особенно к земле с ее блаженным материнством, с ее утрами и ночами, с ее прекрасными ежедневными чудесами. А человек так изолгался, испрошайничался и унизился!.. Эх, Лихонин, тоска!
63. — А я и сам не знаю, — сказал простодушно Платонов. — Видишь ли, я — бродяга и страстно люблю жизнь. Я был токарем, наборщиком, сеял и продавал табак, махорку-серебрянку, плавал кочегаром по Азовскому морю, рыбачил на Черном — на Дубининских промыслах, грузил арбузы и кирпич на Днепре, ездил с цирком, был актером, — всего и не упомяну. И никогда меня не гнала нужда. Нет, только безмерная жадность к жизни и нестерпимое любопытство. Ей-богу, я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой или побыть женщиной и испытать роды; я бы хотел пожить внутренней жизнью и посмотреть на мир глазами каждого человека, которого встречаю. И вот я беспечно брожу по городам и весям, ничем не связанный, знаю и люблю десятки ремесл и радостно плыву всюду, куда угодно судьбе направить мой парус...
64. — Молчи, б...! Сам ты б...!
65. В их глазах мелькало какое-то враждебное чувство, точно у соучастников одного и того же грязного и ненужного преступления.
66. Утренний полусвет, водянистый и сонный, наполнил комнату сквозь щели ставен. Слабыми струйками курились потушенные фитили свечей. Слоистыми голубыми пеленами колыхался табачный дым, но солнечный луч, прорезавшийся сквозь сердцеобразную выемку в ставне, пронизал кабинет вкось веселым, пыльным, золотым мечом и жидким горячим золотом расплескался на обоях стены.
67. Ты к ней прислушайся. Мнения у нее бывают необыкновенно циничного свойства, но иногда чрезвычайной вескости.
68. Влажной бред больших городов или это вековечное историческое явление? Прекратится ли она когда-нибудь? Или она умрет только со смертью всего человечества? Кто мне ответит на это?
69. — Когда она прекратится — никто тебе не скажет. Может быть, тогда, когда осуществляются прекрасные утопии социалистов и анархистов, когда земля станет общей и ничьей, когда любовь будет абсолютно свободна и подчинена только своим неограниченным желаниям, а

- человечество сольется в одну счастливую семью, где пропадет различие между твоим и моим, и наступит рай на земле, и человек опять станет нагим, блаженным и безгрешным.
70. Зло это не неизбежное, а непреоборимое.
71. — Какой я к черту анархист. Ну да, я анархист, потому что разум мой, когда я думаю о жизни, всегда логически приводит меня к анархическому началу. И я сам думаю в теории: пускай люди людей бьют, обманывают и стригут, как стада овец, — пускай! — насилие породит рано или поздно злобу. Пусть насилуют ребенка, пусть топчут ногами творческую мысль, пусть рабство, пусть проституция, пусть воруют, глумятся, проливают кровь... Пусть! Чем хуже, тем лучше, тем ближе к концу. Есть великий закон, думаю я, одинаковый как для неодушевленных предметов, так и для всей огромной, многомиллионной и многолетней человеческой жизни: сила действия равна силе противодействия. Чем хуже, тем лучше. Пусть накопляется в человечестве зло и месть, пусть, — они растут и зреют, как чудовищный нарыв — нарыв — нарыв во весь земной шар величиной. Ведь лопнет же он когда-нибудь! И пусть будет ужас и нестерпимая боль. Пусть гной затопит весь мир. Но человечество или захлебнется в нем и погибнет, или, переболев, возродится к новой, прекрасной жизни.
72. Есть черт его побори! — есть что-то в человеке нелепое, совсем не логичное, но что в сей раз сильнее человеческого разума. Вот и сегодня... Почему я сейчас чувствую себя так, как будто бы я обокрал спящего, или обманул трехлетнего ребенка, или ударил связанного? И почему мне сегодня кажется, что я сам виноват в зле проституции, — виноват своим молчанием, своим равнодушием, своим косвенным попустительством? Что мне делать, Платонов? — воскликнул студент со скорбью в голосе.
73. — Ничего не сделаешь, Лихонин. Пока будет собственность, будет и нищета. Пока существует брак, не умрет и проституция. Знаешь ли ты, кто всегда будет поддерживать и питать проституцию?
74. Это так называемые порядочные люди, благородные отцы семейств, безукоризненные мужья, любящие братья. Они всегда найдут почтенный повод узаконить, нормировать и обандеролить платный разврат, потому что они отлично знают, что иначе он хлынет в их спальни и детские. Проституция для них — оттяжка чужого сладострастия от их личного, законного алькова. Да и сам почтенный отец семейства не прочь втайне предаться любовному дебошу. Надоест же, в самом деле, все одно и то же: жена, горничная и дама на стороне. Человек в сущности животное много и даже чрезвычайно многобразное. И его петушиным любовным инстинктам всегда будет сладко развешиваться в таком пышном рассаднике, вроде Треппеля или Анны Марковны. О, конечно, уравновешенный супруг или счастливый отец шестерых взрослых дочерей всегда будет орать об ужасе проституции. Он даже устроит при помощи лотереи и любительского спектакля общество спасения падших женщин или приют во имя святой Магдалены. Но существование проституции он благословит и поддержит.
75. — Ну да, — сказал сурово Платонов, — ты возьмешь детскую спринцовку и пойдешь с нею тушить пожар?
76. Только умоляю тебя, без насмешек, без расхолаживания...
77. — Ну тебя в болото! — почти крикнула она. — Знаю я вас! Чулки тебе штопать? На керосинке стирать? Ночей из-за тебя не спать, когда ты со своими коротковолосыми будешь болты болтать? А как ты заделаешься доктором, или адвокатом, или чиновником, так меня же в спину коленом: пошла, мол, на улицу, публичная шкура, жизнь ты мою молодую заела. Хочу на порядочной жениться, на чистой, на невинной...
78. — Подожди, Лихонин, — серьезно начал репортер. — Ведь ты и на себя взвалишь непосильный груз. Я знавал идеалистов-народников, которые принципиально женились на простых крестьянских девках. Так они и думали: натура, чернозем, непочатые силы... А этот чернозем через год обращался в толстенную бабищу, которая целый день лежит на постели и жует пряники или унижает свои пальцы копейными кольцами, растопырит их и любит. А то сидит на кухне, пьет с кучером сладкую наливку и разводит с ним натуральный роман. Смотрите, здесь хуже будет!

79. Да, смотри, с экономкой-то будь половчее, а то она, сука, по глазам прочтет. Да и не забудь, — крикнула она уже вдогонку Любе, — румяны-то с морды сотри. А то извозчики будут пальцами показывать.
80. — Глупость ты делаешь большую, Лихонин, — говорил лениво Платонов, — но чту и уважаю в тебе славный порыв. Вот мысль — вот и дело. Смелый ты и прекрасный парень.
81. С бесцеремонностью обладателя, с тем особенным эгоизмом влюбленного, который как будто бы говорит всему миру: «Посмотрите, как мы счастливы,-ведь это и вас делает счастливыми, не правда ли?»
82. — Посмотрите, какие прекрасные образцы: совсем не уступают заграничным. Обратите внимание. Вот, например, русское, а вот английское трико или вот кангар и шевиот. Сравните, пощупайте, и вы убедитесь, что русские образцы почти не уступают заграничным. А ведь это говорит о прогрессе, о росте культуры. Так что совсем напрасно Европа считает нас, русских, такими варварами
83. Мадам Барсукова, со всеми своими грудями, животами и подбородками, весело заколыхалась.
84. Горизонт на минутку задумался. Он искал подходящей цитаты и вдруг выпалил:— Падающего толкни! И я уверен, мадам Шайбес, что на нее нет никакого спроса.
85. К счастью, Соньку беспокоили немного: даже и в этом учреждении она была слишком некрасива. Никто не обращал внимания на ее прелестные глаза, и брали ее только в тех случаях, когда под рукой не было никакой другой.
86. Посредине ресторана, на эстраде, играли румыны в красных фраках, все смуглые, белозубые, с лицами усатых, напомаженных и прилизанных обезьян. Дирижер оркестра, наклоняясь вперед и манерно раскачиваясь, играл на скрипке и делал публике непристойно-сладкие глаза, — глаза мужчины-проститутки.
87. лицо ее выражало усталость, скуку, а может быть, и то пресыщение всеми зрелищами, какие так свойственны знаменитостям.
88. Но Ровинская быстро обернулась к мужчинам, и ее длинные изумрудные глаза сузились. А это у нее служило признаком гнева, от которого иногда делали глупости и коронованные особы.
89. Я сама знаю, что еще молода и прекрасна телом, но, право, иногда мне кажется, что мне девяносто лет. Так износилась душа. Я продолжаю. Я говорю, что за всю мою жизнь только три сильных впечатления врезались в мою душу.
90. — Вот и все. А прибавьте к этому самое ужасное, то, что каждый раз, почувствовав настоящее вдохновение, я тут же мучительно ощущаю сознание, что я притворяюсь и кривляюсь перед людьми... А боязнь успеха соперницы? А вечный страх потерять голос, сорвать его или простудиться? Вечная мучительная возня с горловыми связками? Нет, право, тяжело нести на своих плечах известность.
91. — Но артистическая слава? — возразил адвокат. Власть гения! Это ведь истинная моральная власть, которая выше любой королевской власти на свете!
92. — Да, да, конечно, вы правы, мой дорогой. Но слава, знаменитость сладки лишь издали, когда о них только мечтаешь. Но когда их достиг — то чувствуешь одни их шипы. И зато как мучительно ощущаешь каждый золотник их убыли. И еще я забыла сказать. Ведь мы, артисты, несем каторжный труд. Утром упражнения, днем репетиция, а там едва хватит времени на обед— и пора на спектакль. Чудом урвешь часок, чтобы почитать или развлечься вот, как мы с вами. Да и то... развлечение совсем из средних...
93. Я вас очень люблю, Рязанов, за то, что вы умница. Вы всегда схватите мысль на лету, хотя должна сказать, что это не особенно высокое свойство ума.
94. Володя замялся. Однако он знал твердо, что лгать Ровинской нельзя.
95. Она всегда делала все, что хотела. И потом все они слышали и знали, что в Петербурге светские кутящие дамы и даже девушки позволяют себе из модного снобизма выходки куда похуже той, какую предложила Ровинская.

96. Русские нравы грубые, а то и просто бесчеловечные нравы. Я боюсь, что вас оскорбят резким, непристойным словом или случайный посетитель сделает при вас какую-нибудь нелепую выходку...
97. Ровинская первая пришла на помощь обществу, обратившись к самой толстой, самой белокурой, похожей на булку, немке.
98. А кроме того, вообразите себе, *gnadige Frau*, какое унижительное положение быть в доме прислугой! Всегда зависеть от каприза или расположения духа хозяев! И хозяин всегда пристаёт с глупостями. Пфуй!.. А хозяйка ревнует, придирается и бранится.
99. Мне остается больше чем сто пятьдесят, не так ли? Пятьдесят я трачу на костюмы и на всякие мелочи. Сто берегаю... Какая же это эксплуатация, мадам, я вас спрашиваю? А если мужчина мне совсем не нравится, — правда, бывают чересчур уж гадкие, — я всегда могу сказаться больной, и вместо меня пойдет какая-нибудь из новеньких...
100. Правда, на Ямской улице бывают разные скандалы, и драки, и недоразумения. Но это там... в этих... в рублевых заведениях. Русские девушки много пьют и всегда имеют одного любовника. И они совсем не думают о своем будущем.
101. Последней вошла скромная, тихая Тамара со своей застенчивой и развратной улыбкой Монны-Лизы.
102. И вот, если вы приехали сюда, как в театр, то вы должны выслушать правду прямо в лицо.
103. — Перестань, Женя, я сама... Неужели вы и вправду думаете, баронесса, что мы хуже так называемых порядочных женщин? Ко мне приходит человек, платит мне два рубля за визит или пять рублей за ночь, и я этого ничуть не скрываю ни от кого в мире... А скажите, баронесса, неужели вы знаете хоть одну семейную, замужнюю даму, которая не отдавалась бы тайком либо ради страсти — молодому, либо ради денег — старику? Мне прекрасно известно, что пятьдесят процентов из вас состоят на содержании у любовников, а пятьдесят остальных, из тех, которые постарше, содержат молодых мальчишек. Мне известно также, что многие — ах, как многие! — из вас живут со своими отцами, братьями и даже сыновьями, но вы эти секреты прячете в какой-то потайной сундучок. И вот вся разница между нами. Мы — падшие, но мы не лжем и не притворяемся, а вы все падаете и при этом лжете. Подумайте теперь сами — в чью пользу эта разница?
104. Женька прошептала ей что-то на ухо. — Да это — глупости, — сказала Ровинская, — несколько месяцев лечения и все пройдет.— Нет, нет, нет... Я хочу всех их сделать больными. Пускай они все сгниют и подохнут.
105. Такова власть гения! Единственная власть, которая берет в свои прекрасные руки не подлый разум, а теплую душу человека!
106. — Никогда не отчаивайтесь. Иногда все складывается так плохо, хоть вешайся, а — глядь — завтра жизнь круто переменялась. Милая моя, сестра моя, я теперь мировая знаменитость. Но если бы ты знала, сквозь какие моря унижений и подлости мне пришлось пройти! Будь же здорова, дорогая моя, и верь своей звезде.
107. И вдруг стало как-то мечтательно-тихо и медлительно-скучно. Задумчиво и однообразно.
108. Но этих двуногих подлецов я нарочно заражаю и заражаю каждый вечер человек по десяти, по пятнадцати. Пускай они гниют, пускай переносят сифилис на своих жен, любовниц, матерей, да, да, и на матерей, и на отцов, и на гувернанток, и даже хоть на прабабушек. Пускай они пропадут все, честные подлецы!
109. — Напрасно вы брезгуете этим генералом, — сказала она. — Я знавала хуже эфиопов. У меня был один Гость настоящий болван. Он меня не мог любить иначе... иначе... ну, скажем просто, он меня колот иголками в грудь... А в Вильно ко мне ходил ксендз. Он одевал меня во все белое, заставлял пудриться, укладывал в постель. Зажигал около меня три свечи. И тогда, когда я казалась ему совсем мертвой, он кидался на меня. Манька Беленькая вдруг воскликнула:— Ты правду говоришь, Женька! У меня тоже был один ёлод. Он меня все время заставлял притворяться невинной, чтобы я плакала и кричала. А вот ты, Женечка, самая умная из нас, а все-таки не угадаешь, кто он был...

110. — Нет, отчего же? — вдруг возразила ласковая и скромная Тамара. — Вовсе не сумасшедший, а просто, как и все мужчины, развратник. Дома ему скучно, а здесь за свои деньги он может получить какое хочет удовольствие. Кажется, ясно?
111. Раньше я и сама была глупа, а теперь заставляю их ходить передо мной на четвереньках, заставляю целовать мои пятки, и они это делают с наслаждением... Вы все, девочки, знаете, что я не люблю денег, но я обираю мужчин, как только могу. Они, мерзавцы, дарят мне портреты своих жен, невест, матерей, дочерей... Впрочем, вы, кажется, видали фотографии в нашем клозете? Но ведь подумайте, дети мои... Женщина любит один раз, но навсегда, а мужчина, точно борзой кобель... Это ничего, что он изменяет, но у него никогда не остается даже простого чувства благодарности ни к старой, ни к новой любовнице. Говорят, я слышала, что теперь среди молодежи есть много чистых мальчиков. Я этому верю, хотя сама не видела, не встречала. А всех, кого видела, все потаскуны, мерзавцы и подлецы.
112. А вот я теперь скажу, что из всех мужчин самый порядочный — это вор или убийца. Он не скрывает того, что любит девчонку, и, если нужно, сделает для нее преступление воровство или убийство. А эти, остальные! Все вранье, ложь, маленькая хитрость, разврат исподтишка. У мерзавца три семьи, жена и пятеро детей. Гувернантка и два ребенка за границей. Старшая дочь от первого жениного брака, и от нее ребенок. И это все, все в городе знают, кроме его маленьких детей. Да и те, может быть, догадываются и перешептываются. И, представьте себе, он — почтенное лицо, уважаемое всем миром...
113. Потом он вспомнил о Любке. Его подвальное, подпольное, таинственное «я» быстро-быстро шепнуло о том, что надо было бы зайти в комнату и поглядеть, удобно ли девушке, а также сделать некоторые распоряжения насчет утреннего чая, но он сам сделал перед собой вид, что вовсе и не думал об этом, и вышел на улицу.
114. И вдруг с необычайной остротой Лихонин почувствовал, — каждый человек неизбежно рано или поздно проходит через эту полосу внутреннего чувства, — что вот уже зреют орехи, а тогда были розовые цветущие свечечки, и что будет еще много весен и много цветов, но той, что прошла, никто и ничто не в силах ему возвратить. Грустно глядя в глубь уходящей густой аллеи, он вдруг заметил, что сентиментальные слезы щиплют ему глаза.
115. Точно, в самом деле, все это было не из действительной жизни, а из романа „Что делать?“ писателя Чернышевского. И как, черт побери, какими глазами погляжу я на нее завтра?
116. Всех этих слов о дружбе, братстве и товариществе она не могла осмыслить своим куриным мозгом и простой крестьянской душой.
117. Прощала пьянство, картежную игру, скандалы, громкое пение, долги, но, увы, она была девственницей, и ее целомудренная душа не переносила только одного: разврата.
118. тощая, желчная, ехидная попадья, или агентиха, толстая, старая, обрюзгая, злая, засаленная, ревнивая и скупая бабица
119. И что же это вы мне всё — вы да вы? Кажется, не чужие теперь?
120. И правда, она сегодня утром в первый раз за всю свою небольшую, но исковерканную жизнь отдала мужчине свое тело — хотя и не с наслаждением, а больше из признательности и жалости, но добровольно, не за деньги, не по принуждению, не под угрозой расчета или скандала. И ее женское сердце, всегда неуываемое, всегда тянущееся к любви, как подсолнечник к свету, было сейчас чисто и разнежено.
121. Понимаешь, я очень давно... не знал близко женщины... Во мне проснулся зверь, отвратительный, разнузданный зверь... и... я не устоял. Но, господи, разве так уже велика моя вина? Святые люди, отшельники, затворники, схимники, столпники, пустынные, мученики — не чета мне по крепости духа, — и они падали в борьбе с искушением дьявольской плоти. Но зато чем хочешь клянусь, что это больше не повторится... Ведь так?
122. Продолжать то, что случилось утром, — это... это свинство, скотство и недостойно человека, уважающего себя. Любовь! Любовь — это полное слияние умов, мыслей, душ, интересов, а не одних только тел. Любовь — громадное, великое чувство, могучее, как мир, а вовсе не валянье в постели. Такой любви нет между нами, Любочка. Если она придет, это будет чудесным счастьем и для тебя и для меня. А пока — я твой друг, верный товарищ на

жизненном пути. И довольно, и баста... Я хотя и не чужд человеческих слабостей, но считаю себя честным человеком.

123. Как и вся молодежь его круга, он сам считал себя революционером, хотя тяготился политическими спорами, раздорами и взаимными колкостями и, не перенося чтения революционных брошюр и журналов, был в деле почти полным невеждой.
124. У него были и еще две особенности: он очень хорошо читал вслух и удивительно, мастерски, прямо-таки гениально играл в шахматы, побеждая шутя первоклассных игроков. Его нападение было всегда стремительно и жестоко, защита мудра и осторожна, преимущественно в облическом[10] направлении, уступки противнику исполнены тонкого дальновидного расчета и убийственного коварства. При этом делал он свои ходы точно под влиянием какого-то внутреннего инстинкта или вдохновения, не задумываясь более чем на четыре-пять секунд и решительно презирая почтенные традиции.
125. Но от участия в конкурсах, которые могли бы ему создать положение звезды в шахматном мире, он постоянно отказывался: «У меня нет в натуре ни любви к этой ерунде, ни уважения, — говорил он, — просто я обладаю какой-то механической способностью ума, каким-то психическим уродством. Ну, вот, как бывают левши. И потому у меня нет ни профессионального самолюбия, ни гордости при победе, ни желчи при проигрыше».
126. он всегда сводил монолог на самую прекрасную, самую плодородную, самую передовую, самую рыцарскую и в то же время самую обиженную страну — Грузию. И неизменно цитировал он строки из «Барсовой кожи» грузинского поэта Руставели уверяя, что эта поэма в тысячу раз выше всего Шекспира, умноженного на Гомера.
127. — Ва! идет! — воскликнул князь (у него вышло «идиот») и почему-то взглянул значительно на Любку и закрутил усы.
128. Именно только ты и способен на такой настоящий русский героизм, выраженный просто, скромно, без лишних слов.
129. которому, по правде сказать, она плохо верила, но как-то ее узкий, темный ум не мог даже теоретически представить себе иного отношения мужчины к женщине, кроме чувственного.
130. Откуда происходила эта его влияние, вряд ли кто-нибудь мог бы объяснить себе: от его ли самоуверенной внешности, от умения ли схватить и выразить в общих словах то раздробленное и неясное, что смутно ищется и желается большинством, или оттого, что свои заключения всегда приберегал к самому нужному моменту. Среди всякого общества много такого рода людей: одни из них действуют на среду софизмами, другие — каменной бесповоротной непоколебимостью убеждений, третьи — широкой глоткой, четвертые — злой насмешкой, пятые — просто молчанием, заставляющим предполагать за собою глубокомыслие, шестые — трескучей внешней словесной эрудицией, иные хлесткой насмешкой надо всем, что говорят... многие ужасным русским словом «ерунда!».
131. — Ну да, — спокойно возразил Симановский, — в судомойки, в прачки, в кухарки. Всякий труд возвышает человека.
132. Не имею никаких оснований для веры, но уверен, почти знаю.
133. Я же, с своей стороны, господа... я предлагаю читать с молодой особой «Капитал» Маркса и историю человеческой культуры. А кроме того. проходить с ней физику и химию.
134. Что же касается до Карла Маркса, то помните, что великие книги одинаково доступны пониманию и ученого и неграмотного крестьянина, лишь бы было понятно изложено. А всякая великая мысль проста.
135. Среди русских интеллигентов, как уже многими замечено, есть порядочное количество диковинных людей, истинных детей русской страны и культуры, которые сумеют героически, не дрогнув ни одним мускулом, глядеть прямо в лицо смерти, которые способны ради идеи терпеливо переносить невообразимые лишения и страдания, равные пытке, но зато эти люди теряются от высокомерности швейцара, съеживаются от окрика прачки, а в полицейский участок входят с томительной и робкой тоской.
136. — Ах! Не надо думать, не надо предполагать, что скажешь. Всегда гораздо лучше выходит, когда это делается сразу...

137. Отколов одну глупость, нужно ее сейчас же прекратить, а если не сделаешь этого вовремя, то она влечет за собою две других, а те — двадцать новых.
138. Ведь она же глупа, неразвита и, вероятно, как и большинство из них, истеричка. Она — животное, годное только для еды и для постели!
139. молодой человек хочет взять эта девушка, эта Любка, совсем к себе на задержание или чтобы ее, — как это называется по-русски, — чтобы ее спасай? Да, да, да, это бывает. Я двадцать два года живу в публичный дом и всегда в самый лучший, приличный публичный дом, и я знаю, что это случается с очень глупыми молодыми людьми. Но только уверяю вас, что из этого ничего не выйдет.
140. — От души желаю вам на любовь и дружбу, но только вы потрудитесь сказать этой мерзавке, этой Любке, чтобы она не смела сюда и носа показывать, когда вы ее, как собачонку, выбросите на улицу. Пусть подыхает с голоду под забором или идет в полтинничное заведение для солдат!
141. — Молчи, стерва! — крикнул на нее Лихонин.— Молчу, дурак, — спокойно отозвалась экономка.
142. Потрудитесь представить свидетельство от вашего квартирохозяина, — ведь, надеюсь, вы сами не домовладелец?.. Так вот, свидетельство о том, что вы в состоянии держать прислугу, а кроме того, все документы, удостоверяющие, что вы именно та личность, за которую себя выдаете, например, свидетельство из вашего участка и из университета и все такое прочее. Ведь вы, надеюсь, прописаны? Или, может быть, того?.. Из нелегальных?
143. «Что же! — думал он, быстро идя по улице, — самое начало положено, самое трудное сделано. Держись крепко теперь, Лихонин, и не падай духом! То, что ты сделал, прекрасно и возвышенно. Пусть я буду даже жертвой этого поступка — все равно! Стыдно, делая хорошее дело, сейчас же ждать за него награды. Я не цирковая собачка, и не дрессированный верблюд, и не первая ученица института благородных девиц. Напрасно только я вчера разболтался с этими носителями просвещения. Вышло глупо, бестактно и во всяком случае преждевременно. Но все поправимо в жизни. Перетерпишь самое тяжелое, самое позорное, а пройдет время, вспомнишь о нем, как о пустяках...»
144. — Если я вам так не нравлюсь, то, конечно, как хотите. Однако и в этот же вечер соблазн опять повторился и до тех пор повторялся, пока моменты грехопадения перестали возбуждать в Лихонине жгучий стыд и не обратились в привычку, поглотив и потушив раскаяние.
145. Кроме того, он был очень нетерпелив, несдержан, вспыльчив, скоро утомлялся, и тайная, обыкновенно скрываемая, но все возрастающая ненависть к этой девушке, так внезапно и нелепо перекосившей всю его жизнь, все чаще и несправедливее срывалась во время этих уроков.
146. Он был из числа тех людей, которые, после того как оставят студенческие аудитории, становятся вожаками партий, безграничными властителями чистой и самоотверженной совести, отбывают свой политический стаж где-нибудь в Чухломе, обращая острое внимание всей России на свое героически-бедственное положение, и затем, прекрасно опираясь на свое прошлое, делают себе карьеру благодаря солидной адвокатуре, депутатству или же женитьбе, сопряженной с хорошим куском черноземной земли и с земской деятельностью. Незаметно для самих себя и совсем уже незаметно для постороннего взгляда они осторожно правят или, вернее, линияют до тех пор, пока не отрастят себе живот, не наживут подагры и болезни печени. Тогда они ворчат на весь мир, говорят, что их не поняли, что их время было временем святых идеалов. А в семье они деспоты и нередко отдают деньги в рост.
147. Должно быть, в конце концов Симановский, этот загадочный человек, такой влиятельный в своей юношеской среде, где ему приходилось больше иметь дело с теорией, и такой несуразный, когда ему попался практический опыт над живой душой, был просто-напросто глуп, но только умел искусно скрывать это единственное в нем искреннее качество.
148. Потерпев неудачу в прикладных науках, он сразу перешел к метафизике. Однажды он очень самоуверенно и таким тоном, после которого не оставалось никаких возражений, заявил Любке, что бога нет и что он берется это доказать в продолжение пяти минут.

149. От длительных связей он отделялся всегда очень легко: либо на нем лежало громадное ответственное призвание, перед которым семейные любовные отношения — ничто, либо он притворялся сверхчеловеком, которому все позволено (о ты, Ницше, так давно и так позорно перетолканный для гимназистов!).
150. Вспомните, Лихонин, как нам был труден переход от арифметики к алгебре, когда нас заставляли заменять простые числа буквами, и мы не знали, для чего это делается.
151. — Скажите, ну разве будет для вашей сестры, матери или для вашего мужа обидно, что вы случайно не пообедали дома, а зашли в ресторан или в кухмистерскую и там насытили свой голод. Так и любовь. Не больше, не меньше. Физиологическое наслаждение. Может быть, более сильное, более острое, чем всякие другие, но и только. Так, например, сейчас: я хочу вас, как женщину.
152. вы отнеситесь как старшие сестры к человеку, который только что выбился из того ужасного мрака, в который ставит современную женщину социальный строй.
153. Это была барышня суетливая, бледная, очень хорошенькая, воздушная, вся в светлых кудряшках, с видом избалованного котенка и даже с розовым кошачьим бантиком на шее.
154. Любке было только трудно преодолеть первый шаг. Она была из тех натур, которые долго терпят, но быстро срываются, и ее, обыкновенно такую робкую, нельзя было узнать в этот момент.
155. — А я знаю! — кричала она в озлоблении. — Я знаю, что и вы такие же, как и я! Но у вас папа, мама, вы обеспечены, а если вам нужно, так вы и ребенка вытравите, многие так делают. А будь вы на моем месте, — когда жрать нечего, и девчонка еще ничего не понимает, потому что неграмотная, а кругом мужчины лезут, как кобели, — то и вы бы были в публичном доме! Стыдно так над бедной девушкой изголяться, — вот что!
156. И где же мои мечты о власти ума, о красоте жизни, общечеловеческой любви и подвигах?
157. Разве для нее существует логика?
158. Она уже дошла до того, что в сердитые минуты угрожала ему серной кислотой.
159. И вот именно эти мечты, затаенные планы, такие мгновенные, случайные и в сущности подлые, — из тех, в которых люди потом самим себе не признаются, — вдруг исполнились.
160. На этот раз он начал лекцию на тему о том, что для человека не существует ни законов, ни прав, ни обязанностей, ни чести, ни подлости и что человек есть величина самодовлеющая, ни от кого и ни от чего не зависящая. — Можно быть богом, можно быть и глистом, солитером — это все равно.
161. Но я знаю, что страсть бывает иногда сильнее доводов рассудка.
162. Конечно, эта трагикомическая история выходила в ее личном освещении совсем не так, как она случилась на самом деле.
163. К тому же ей приходилось при найме иметь дело исключительно с женщинами, а те тоже каким-то внутренним безошибочным инстинктом угадывали в ней старинного врага — совратительницу их мужей, братьев, отцов и сыновей.
164. Только надо было для сохранения и округления престижа как следует напугать ее.
165. Это был тот общий припадок великой истерии, который овладевает иногда заключенными в тюрьмах, или то стихийное безумие (raptus), которое охватывает внезапно и повально весь сумасшедший дом, отчего бледнеют даже опытные психиатры.
166. Многие люди, которым приходилось видеть самоубийц за несколько часов до их ужасной смерти, рассказывают, что в их облике в эти роковые предсмертные часы они замечали какую-то загадочную, таинственную, непостижимую прелесть. И все, кто видели Женьку в эту ночь и на другой день в немногие часы, подолгу, пристально и удивленно останавливались на ней взглядом.
167. Падение невинных душ в домах терпимости или у уличных одиночек совершается гораздо чаще, чем обыкновенно думают.
168. Надо, однако, сказать, что интимная близость к этой даме, большой, черноглазой, белолицой, сладко пахнувшей южной женщине, действительно существовала, но существовала только в Колином воображении, в те печальные, трагические и робкие минуты одиноких половых

наслаждений, через которые проходят из всех мужчин если не сто процентов, то во всяком случае девяносто девять.

169. Как бы ни был строй в этом отношении классный надзор, все равно юнцы читали, читают и будут читать именно то, что им не позволено. Здесь есть особенный азарт, шик, прелесть запретного.
170. В кадетской библиотеке были целомудренные выдержки из Пушкина и Лермонтова, весь Островский, который только смешил, и почти весь Тургенев, который и сыграл в жизни Коли главную и жестокую роль. Как известно, у покойного великого Тургенева любовь всегда окружена дразнящей завесой, какой-то дымкой, неуловимой, запретной, но соблазнительной: девушки у него предчувствуют любовь, и волнуются от ее приближения, и стыдятся свыше меры, и дрожат, и краснеют. Замужние женщины или вдовы совершают этот мучительный путь несколько иначе: они долго борются с долгом, или с порядочностью, или с мнением света, и, наконец, — ах! — падают со слезами, или — ах! начинают бравировать, или, что еще чаще, неумолимый рок прерывает ее или его жизнь в самый — ах! — нужный момент, когда созревшему плоду недостает только легкого дуновения ветра, чтобы упасть. И все его персонажи все-таки жаждут этой постыдной любви, светло плачут и радостно смеются от нее, и она заслоняет для них весь мир. Но так как мальчики думают совершенно иначе, чем мы, взрослые, и так как все запретное, все недосказанное или сказанное по секрету имеет в их глазах громадный, не только сугубый, но трегубый интерес, то, естественно, что из чтения они выводили смутную мысль, что взрослые что-то скрывают от них.
171. — Ну, что стесняться Володи (или Пети, или Кати)?.. Ведь они маленькие. Они ничего не понимают!..
172. Конечно, у нее был один только святой материнский расчет: если уже суждено Бореньке пасть, то пускай он отдаст свою чистоту, свою невинность, свое первое физическое влечение не проститутке, не потаскушке, не искательнице приключений, а чистой девушке.
173. Ну и потянут опять на цугундер: суди меня судья неправедный!
174. — Слушай, Коля, это твое счастье, что ты попал на честную женщину, другая бы не пощадила тебя. Слышишь ли ты это? Мы, которых вы лишаете невинности и потом выгоняете из дома, а потом платите нам два рубля за визит, мы всегда — понимаешь ли ты? — она вдруг подняла голову, — мы всегда ненавидим вас и никогда не жалеем!
175. — И вот, когда я узнала, что больна, я чуть с ума не сошла от злобы, задохлась от злобы... Я подумала: вот и конец, стало быть, нечего жалеть больше, не о чем печалиться, нечего ждать... Крышка!.. Но за все, что я перенесла, — неужели нет отплаты? Неужели нет справедливости на свете? Неужели я не могу наслаждаться хоть мезью? — за то, что я никогда не знала любви, о семье знаю только понаслышке, что меня, как паскудную собачонку, подзовут, погладят и потом сапогом по голове — пошла прочь! — что меня сделали из человека, равного всем им, не глупее всех, кого я встречала, сделали половую тряпку, какую-то сточную трубу для их пакостных удовольствий? Тьфу!.. Неужели за все за это я должна еще принять к такую болезнь с благодарностью?.. Или я раба? Бессловесный предмет?.. Вьючная кляча?.. И вот, Платонов, тогда-то я решила заражать их всех — молодых, старых, бедных, богатых, красивых, уродливых, — всех, всех, всех!..
176. Не знаю, Женечка! — тихо произнес Платонов. — Не то, что я боюсь говорить тебе или советовать, но я совсем ничего не знаю. Это выше моего рассудка... выше совести...
177. Сергей Иванович, вы такой умный, вы так много видели в жизни, — помогите же мне найти теперь себя!..
178. Есть бог или нет? Платонов нахмурился. — Что я тебе отвечу? Не знаю. Думаю, что есть, но не такой, как мы его воображаем. Он — больше, мудрее, справедливее...
179. — А будущая жизнь? Там, после смерти? Вот, говорят, рай есть или ад? Правда это? Или ровно ничего? Пустышка? Сон без сна? Темный подвал?
180. — Не знаю, — сказал он, наконец, с усилием. — Не хочу тебе врать.
181. — Да нет!.. Не то что скучно, а как-то мне все — все равно... Гляжу -вот я на тебя, на стол, на бутылку, на свои руки, ноги и думаю, что все это одинаково и все ни к чему... Нет ни в чем смысла... Точно на какой-то старой-престарой картине. Вот смотри: идет по улице

солдат, а мне все равно, как будто завели куклу и она двигается... И что мокро ему под дождем, мне тоже все равно... И что он умрет, и я умру, и ты, Тамара, умрешь, — тоже в этом я не вижу ничего ни страшного, ни удивительного... Так все для меня просто и скучно...

182. Я вас не смешиваю с этим русским быдлом...
183. Наконец, если признаться, я немножко... как бы вам сказать... всегда была немножко влюблена в вас.
184. — И прекрасно! — сказала Эмма Эдуардовна, вставая. — Теперь заключим наш договор одним хорошим, сладким по целуем. И она опять обняла и принялась взасос целовать Тамару которая со своими опущенными глазами и наивным нежным лицом казалась теперь совсем девочкой.
185. — Говоришь — не эта? Ну, мотри... На тебе еще! — сказал сторож и одного за другим показывал, открывая крышки, покойников, — все, должно быть, голытьбу: подобранных на улице, пьяных, раздавленных, изувеченных и исковерканных, начавших разлагаться. У некоторых уже пошли по рукам и лицам сине-зеленые пятна, похожие на плесень, — признаки гниения. У одного мужчины, безносого, с раздвоенной пополам верхней заячьей губой, копошились на лице, изъеденном язвами, как маленькие, белые точки, черви. Женщина, умершая от водянки, целой горой возвышалась из своего дощатого ложа, выпирая крышку.
186. Все они наскоро после вскрытия были зашиты, починены и обмыты замшелым сторожем и его товарищами. Что им было за дело, если порою мозг попадал в желудок, а печенью начиняли череп и грубо соединяли его при помощи липкого пластыря с головой?! Сторожа ко всему привыкли за свою кошмарную, неправдоподобную пьяную жизнь, да и, кстати, у их безгласных клиентов почти никогда не оказывалось ни родных, ни знакомых...
187. — Трыш-шит? — переспросил сторож и почесался. А вши, должно быть, — сказал он равнодушно. — На мертвяках этого зверья всегда страсть сколько распложается!.. Да ты кого ищешь-то — мужика аль бабу?
188. Сторож сбегал куда-то и вернулся с огарком и затрепанной книгой. Когда он зажег свечку, то девушки увидели десятка два трупов, которые лежали прямо на каменном полу правильными рядами — вытянутые, желтые, с лицами, искривленными предсмертными судорогами, с раскрытыми черепами, со сгустками крови на лицах, с оскаленными зубами.
189. Через несколько времени принесли два венка: один от Тамары из астр и георгинов с надписью на белой ленте черными буквами: «Жене-от подруги», другой был от Рязанова, весь из красных цветов; на его красной ленте золотыми литерами стояло: «Страданием очистимся».
190. — Гм... самоубийца?.. А знаете ли, молодая особа, что по церковным канонам самоубийцам отпевания не полагается... не надлежит? Конечно, исключения бывают — по особому ходатайству...
191. «Земля еси и в землю отыдеши...» — повторила она в уме слова песнопения. — Неужели только и будет, что одна земля и ничего больше? И что лучше: ничто или хоть бы что-нибудь, даже хоть самое плохонькое, но только чтобы существовать?»
192. А хор, точно подтверждая ее мысли, точно отнимая у нее последнее утешение, говорил безнадежно: «А може вси человецы пойдём...»
193. Потом короткая лития на могиле, глухой стук земли о крышку гроба... небольшой свежий холмик...
194. — Вот и конец! — сказала Тамара подругам, когда они остались одни. — Что ж, девушки, — часом позже, часом раньше!.. Жаль мне Женьку!.. Страх как жаль!.. Другой такой мы уже не найдем. А все-таки, дети мои, ей в ее яме гораздо лучше, чем нам в нашей... Ну, последний крест — и пойдём домой!..
195. — Да и недолго нам быть вместе без нее: скоро всех нас разнесет ветром куда попало. Жизнь хороша!.. Посмотрите: вон солнце, голубое небо... Воздух какой чистый... Паутинки летают — бабье лето... Как на свете хорошо!.. Одни только мы — девки — мусор придорожный.

196. — Уйди! Уйди! Не могу вас всех видеть! — кричала с бешенством Любка. — Палачи! Свиньи!
197. Она лишь туманно, в немногих словах намекнула на то, что она — замужняя дама из среднего общества, что она несчастна в семейной жизни, так как муж ее — игрок и деспот, и что даже судьбою ей отказано в таком утешении, как дети.
198. бедный нотариус совершенно потерял голову: он весь погрузился в ту старческую любовь, которая уже не знает ни разума, ни оглядки, которая заставляет человека терять последнее — боязнь казаться смешным.
199. В их отношениях Верка была обожающей стороной, а он, как важный идол, снисходительно принимал поклонение и приносимые дары.
200. Дилекторский разнежился, расчувствовался, умилился над собой и заплакал. поплакала с ним и Верка.
201. — Нельзя, — ответил мрачно Дилекторский. — Проклятые деньги!.. Что дороже — честь или жизнь?!
202. Он и в самом деле был убежден, что застрелится, но думал как-то наигранно, точно немножко любуясь со стороны своей трагической ролью и наслаждаясь заранее отчаянием родни и удивлением сослуживцев. А Верка как сказала внезапно, что пойдет на самоубийство вместе со своим возлюбленным, так сразу и укрепились в этой мысли. И ничего не было для Верки страшного в грядущей смерти. «Что ж, разве лучше так подохнуть, под забором?! А тут с милым вместе! По крайней мере сладкая смерть!..»
203. Ноги у Дилекторского подогнулись от ужаса, но рассудок притворщика, труса и мерзавца бодрствовал
204. Однако на другой же день волнение вновь вспыхнуло, на этот раз уже во всем городе и окрестностях. Совсем неожиданно оно приняло характер еврейского погрома, который длился дня три, со всеми его ужасами и бедствиями.
205. А через неделю последовал указ генерал-губернатора о немедленном закрытии домов терпимости как на Ямках, так и на других улицах города. Хозяйкам дали только недельный срок для устройства своих имущественных дел.
206. И все эти Генриетты Лошади, Катьки Толстые, Лельки Хорьки и другие женщины, всегда наивные и глупые, часто трогательные и забавные, в большинстве случаев обманутые и исковерканные дети, разошлись в большом городе, рассосались в нем. Из них народился новый слой общества слой гулящих уличных проституток-одинок. И об их жизни, такой же жалкой и нелепой, но окрашенной другими интересами и обычаями, расскажет когда-нибудь автор этой повести, которую он все-таки посвящает юношеству и матерям.

Конец текста